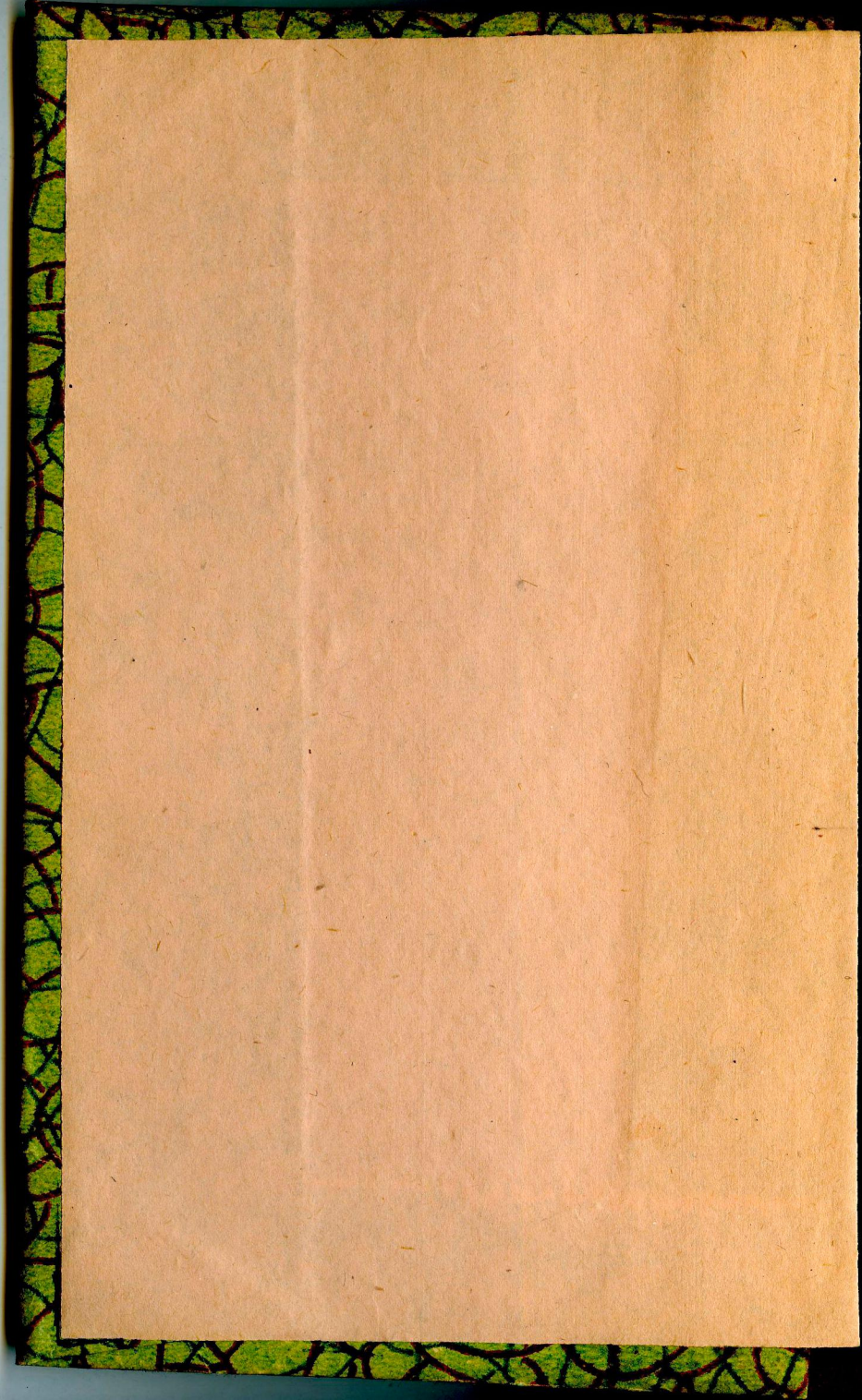

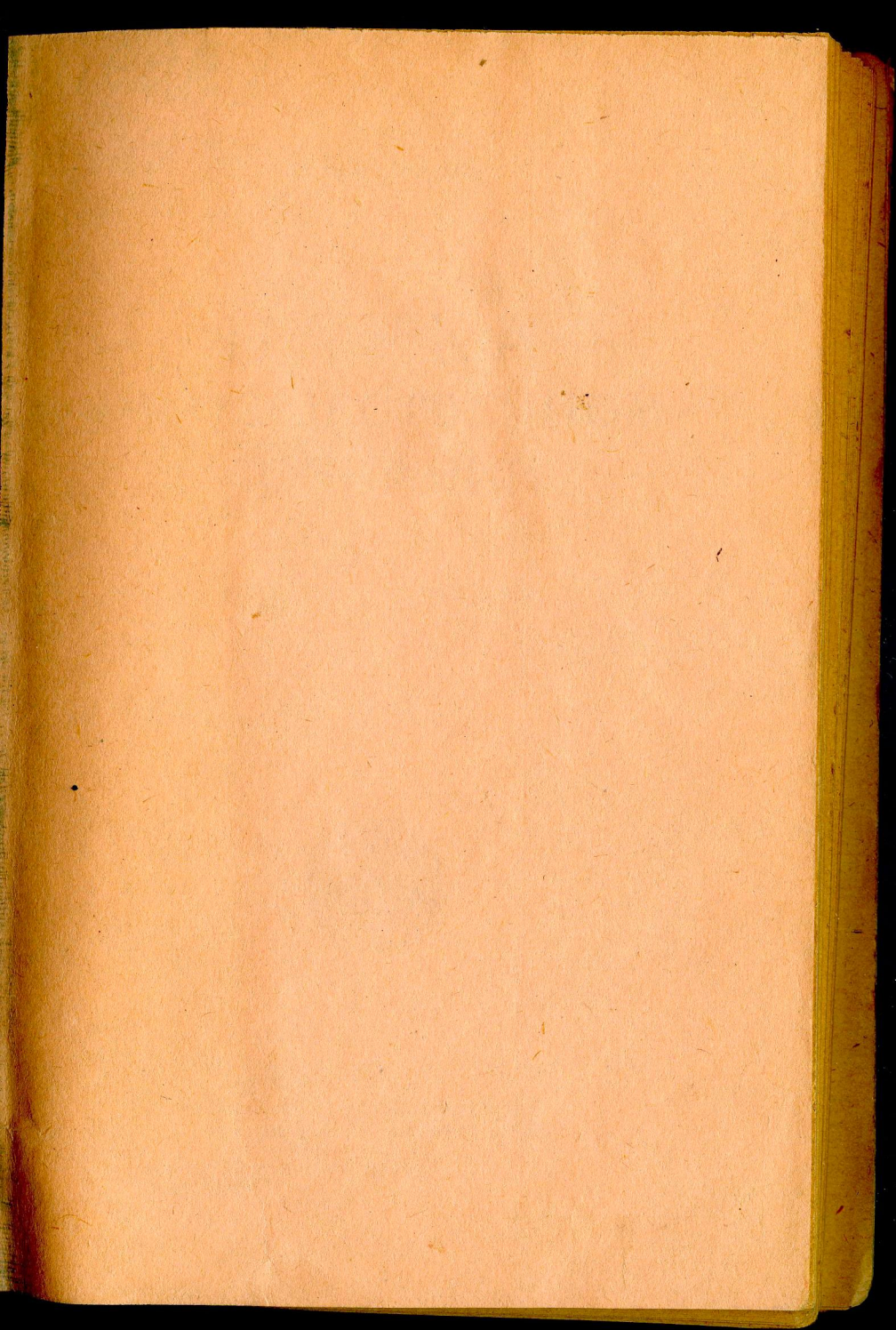
191690

V.N. Karazin Kharkiv National University

00973428 5

191690

А. БОГДАНОВ

НАУКА ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

КРАТКИЙ КУРС ИДЕО-
ЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

02

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“ 1923₂
ПЕТРОГРАД, ПР. 23 ОКТЯБРЯ, 74, ТЕЛ. 134-34.
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 38, ТЕЛ. 264-61 и 280-09.

64

Центральная Научная
Библиотека ХЛУ
Инв. № 191690

Г45

Петроблит № 4746.   Зак. № 581.   Тираж 3.000 экз.

Военная типография Штаба Р.-К. К. А. (Площ. Урицкого, 10).

Предисловие к первому изданию.

Курса идеологической науки до сих пор не существовало. Но идеологическая наука существует, она имеет огромное значение в жизни, и значение это постоянно возрастает. Не было такой книги, где связно, в порядке, целостно, как в учебниках разных наук, излагалось бы, — что такое общественное сознание людей, откуда оно произошло, какие формы принимает, по каким законам изменяется, как развивалось оно в истории человечества, куда идет теперь это развитие. Но научный материал для такой книги есть; и овладеть им необходимо всякому, кто хочет сознательно выбирать свою позицию, сознательно делать свое дело в великой общественной борьбе нашего времени.

54 года тому назад Марксом был формулирован основной закон развития идей, права, нравственности, политики, вообще — всего общественного сознания, всех „идеологий“: их зависимость от способов производства и присвоения. Из этого закона вытекает общий путь исследования: для всех изменений в идеологиях искать причин в условиях трудовой и хозяйственной жизни. Так был решен основной вопрос идеологической науки, — вопрос об ее методе; и она стала впервые возможна, как действительная наука, объясняющая свои факты, а не только их собирающая и нагромождающая.

Сам Маркс успел дать много применений открытого им метода, который обычно называют „историческим ма-

териализмом". На многих ярких и важных примерах он с величайшей очевидностью показывал, как те или иные идеи, те или иные законы создаются и держатся, потому что этого требуют экономические выгоды определенного класса, зависящие в свою очередь от его роли в производстве. Но исследование Маркса шло еще дальше и глубже: помимо простого влияния силы интересов на идеологию, он выяснял и то, каким образом самые способы мыслить и понимать окружающее, самая, так сказать, „логика“ людей, вытекает из их трудовых отношений и форм присвоения. Такова знаменитая теория „менового фетишизма“, которой посвящена значительная часть нашего курса.

Последователи Маркса—больше всех Каутский—продолжали работу над изучением идеологий по его методу, успешно находя причины и объяснения фактов там, где старая наука была бессильна. Блестящее доказательство в пользу нового метода дал, сам того не подозревая, великий филолог Людвиг Нуаре, который не был сторонником марксизма и вряд ли даже имел о нем ясное понятие. Нуаре, изучая происхождение человеческой речи и мышления, пришел к выводу, что они зародились из совместного труда людей в первобытных общинах, т.-е., что идеология возникла из производства. Благодаря этому учению „о первичных корнях“, мы можем излагать нашу науку, начиная с действительного начала самого ее предмета—общественного сознания.

Мало, однако, знать, что идеология произошла из производства, что она от него зависит и является „надстройкою“ над ним, по выражению Маркса. Надо еще понять, точно и определенно, что она такое на деле, в самой жизни, т.-е. выяснить ее практический смысл и значение. Относительно этого до сих пор господствует большая неясность.

Очень многие полагают, что раз идеологии — „надстройка“ над экономической жизнью, раз они ею „определяются“, то они и представляют нечто второстепенное по сравнению с нею, какое-то несущественное дополнение

к ней, нечто вроде исторической роскоши, осложняющей и украшающей общественный процесс. Напр., искусство так и называют простым „украшением“ жизни. Эта точка зрения глубоко ошибочна.

Надстройки бывают разные. Если на крыше поставят флюгера, громоотводы, резные орнаменты,—все это надстройки, полезные или приятные, но без которых можно обойтись. А сама крыша? Она — тоже „надстройка“ над стенами, ее положение и форма „определяются“ ими; однако, она не менее необходима, чем они: без нее дом невозможен. Идеология—не шпиль, не резная решетка, не золоченое украшение на здании общественного труда и хозяйства; она—его кровля, без которой оно не может существовать.

Это сравнение, впрочем, еще недостаточно и неточно. Ближе было бы уподобить идеологию головному мозгу в организме. Развитие мозга определяется развитием других органов, специально тех, которые служат для движения. У человека он достиг высокого совершенства потому, что наши руки являются наилучшими орудиями для сложных действий, для всякой работы, и что устройством наших ног они освобождены от участия в ходьбе и беганьи, стесняющего деятельность передних лап у других животных. Но зависимость мозга от рук не мешает тому, что он необходим для них, что без него они бесполезны.

Такова же идеология. Науки, технические и естественные, возникли из производства, благодаря его развитию достигли своего нынешнего уровня; но они управляют производством, без них немислимы современные фабрики, заводы, железные дороги.

Другой пример. Общественные деятели передового в наше время класса посвящают все свои силы на то, чтобы развивать его классовое сознание, т.-е. именно его идеологию. Почему они делают это, когда они знают, что основное, это — экономика, идеология же — только производное, „надстройка“, не более? Большинство из них

не сумеют правильно ответить на этот вопрос. Они, напр., скажут: „Экономические отношения развиваются сами по себе, помимо нас, и нам нет надобности в них вмешиваться; что же касается идеологии, тут мы можем ускорить дело, облегчить муки родов; поэтому наше участие полезно и нужно“. Ответ неубедительный. Разве сознательное вмешательство активных людей не может прямо ускорять ход экономического прогресса, когда, положим, какой-нибудь энергичный делец основывает акционерные общества, заводит фабрики, проводит железные дороги в отсталой стране? И разве, с другой стороны, сознание класса не может формироваться само по себе, зарождаясь и складываясь непосредственно в массах? Ведь так оно первоначально и возникало повсюду.

И, однако, остается верным то, что работа над сознанием класса, над его идеологией—самая необходимая, исторически самая важная в нашу эпоху. Слабость же обычного ответа зависит от того, что люди, хотя и чувствуют величайшее значение идеологий в жизни, но не умеют его отчетливо выразить. Систематически его изучая в изложении нашей науки, мы увидим, в чем оно состоит. Идеология есть орудие организации общества, производства, классов и вообще всяких общественных сил или элементов, — орудие, без которого эта организация невозможна. Помогать выработке сознания в определенном классе значит—развивать самые основы его организации, участвовать в образовании того мозга, который должен управлять этим могучим телом.

Теперь в передовых массах, рядом с экономической и политической активностью, пробуждается особенно сильно стремление просвещаться—жажда знания, интерес к литературе, искусствам. Все это приходится брать почти всецело из рук господствующих классов, потому что ими это почти всецело создано и разработано, принадлежит к их идеологии. Неизбежно встают серьезные и трудные вопросы. Брать у тех или иных классов культуру, воспитываться на продуктах их творчества, значит

ли получать от них законное наследство, или напротив—духовно им подчиняться? Не сводится ли это к тому, что мы приучаемся мыслить и чувствовать, как они, ходить по путям, ими проторенным, вообще—жить под их опекою? Что у них можно и следует брать, каким образом усваивать, что—отвергать и отбрасывать? Возможно ли новому классу уже теперь создавать что-нибудь свое в науке, искусствах, правилах жизни? Если возможно, то стоит ли работать над этим, не отвлекает ли это от более важных задач? Требуются ответы точные и надежные, т.-е. научные; основу для них дает лишь систематическое изучение науки об идеологиях.

Вот почему я считал эту работу своевременной, необходимой, и предпринял ее, собирая воедино то, что было сделано и подготовлено другими, заполняя, по мере сил своих, пробелы, которые оставались. Предмет сложный и трудный; чтобы читателю было легче овладеть им, я выбрал такую форму, которая упрощает изложение: прямые вопросы и ответы.

Я убежден, что книга найдет своего читателя и будет ему полезна.

А. Богданов.

16/3 ноября 1913.

Ко второму изданию.

В этом втором издании книги сделаны некоторые изменения и дополнения. При первом издании была приложена статья „Общественное сознание в мировой войне“. Теперь ее материал включен в общую связь текста.

Декабрь 1918.

К третьему изданию.

Введены еще новые иллюстрации, пояснения; сделаны некоторые редакционные поправки.

Июль 1923.

Введение.

1. Определение идеологической науки.

Вопрос. Что такое идеологическая наука?

Ответ. Это—наука об общественном сознании людей.

В. Что такое „общественное сознание“?

О. Каждый человек имеет свою душевную жизнь: он видит, слышит, радуется, страдает, желает, стремится, вспоминает, воображает... Все эти ощущения, чувствования, воля, представления, составляют его „личное“ (или „индивидуальное“) сознание. Но человек живет всегда в обществе, т.-е. в связи и в общении с другими людьми. То, что он „сознает“, — ощущает, желает, думает, — он разными способами выражает, невольно или намеренно, и другие люди так или иначе понимают его, а равно и он их. Они видят движения его тела, лица, глаз (его „миимику“), слышат его крики, слова, воспринимают написанные им знаки, нарисованные им изображения и т. под.; этим путем они знают об его душевных состояниях, — чего он хочет, что чувствует, представляет,—и он знает то же относительно их. Все, что выражено и понято, что стало известно от одного человека другим и обратно, все это тем самым уже общее для них, все это принадлежит уже не только личному сознанию, но вошло в общественное сознание. Следовательно, изучать общественное

сознание значит изучать, что, какими способами люди выражают и понимают.

В. Почему науку об общественном сознании называют „идеологической“?

О. Потому что общественное сознание обозначается также, более кратко, словом „идеология“.

— Откуда происходит слово „идеология“, и каков его прямой смысл?

— Это слово образовано из двух греческих; 1) *ιδέα* — воззрение, мысль, от индо-европейского корня *vid*, который сохранился и в русском языке (видеть, ведать), в греческом этот корень утратил свою первую букву, но и там она первоначально была; значение же корня в обоих языках одинаковое; 2) *λόγος* — понятие, слово, от корня *leg*, означающего, первоначально, класть, а затем — думать; этот корень и в русском имеет те же два значения, как показывает слово „полагать“ (положить, предположить, и т. под.). Следовательно, „идеология“ должна означать, буквально, науку об идеях, как „психология“ — науку о душе, „биология“ — о жизни, и пр. Но обычно идеологией называют не науку об идеях, а самые идеи и понятия, или точнее и общее, как мы уже сказали, само „общественное сознание“.

— Нет ли другого, более употребительного, чем термин „идеология“, обозначения для общественного сознания?

— Да, есть. В этом смысле чаще применяется слово „культура“, или, точнее, выражение „духовная культура“. Первоначальное значение латинского слова „культура“, это — возделывание земли, а затем вообще полезный труд. Отсюда получилось нынешнее широкое понятие „культуры“: все результаты человеческих усилий, поднимающие человечество над природою, все плоды труда и мысли, совершенствующие жизнь. Техника, с ее орудиями, машинами, путями сообщения, — экономические связи сотрудничества, обмена, — речь, знания обыденные и научные, искусство, обычаи, нравственность, право,

политика,—все это составные части культуры; даже развитие физической силы и здоровья, посредством гимнастики и других приемов, относится туда же, под названием „культуры тела“. При этом различают две основных области культуры: материальную и духовную. „Материальная культура“ есть вся сфера производства, с его техникой и экономическими отношениями, общественный труд, направленный на внешнюю природу, со всеми его средствами и формами. „Духовная культура“, это—та сфера, которая лежит вне прямой борьбы с природою, это—речь, мышление, нравственность, искусство и т. д., словом, — идеология, общественное сознание.

— Представляет ли идеология общества нечто единое, постоянное и строго определенное, или нет?

— Нет, она многообразна и изменчива. Она зародилась в виде бесформенных зачатков в первобытную эпоху жизни человечества, и с тех пор развивается, усложняясь и разветвляясь, вплоть до нынешнего гигантского богатства ее форм. Так, первобытную речь, согласно выводам сравнительной филологии, приходится представлять сводящейся, самое большее, к нескольким десяткам звуков (трудовых криков), которые не обладали строгой определенностью значения, свойственной нынешним словам; современные же языки цивилизованных народов обладают сотнями тысяч обозначений, которые допускают миллионы и миллионы сочетаний, позволяющих выразить самые сложные и самые тонкие оттенки явлений нашей жизни и внешней природы. В такой же или еще большей мере выросло познание, и т. д.

Кроме того, если в примитивных обществах идеология была единой и цельною, общою для всех их членов, то в обществах позднейших, более развитых, это уже не так. Идеология есть выражение и понимание жизни; а жизнь в этих обществах раздроблена, она не одна и та же для разных классов. В зависимости от разного

положения людей в производстве или около производства, различны их жизненные условия, их интересы, стремления, их точка зрения на окружающий мир. Все это, естественно, находит себе и разное выражение, порождает разные способы понимания. Получается не одно общественное сознание, а несколько классовых: у землевладельцев-помещиков—одно, у капиталистов—другое, у мелких хозяев-ремесленников и крестьян—третье, у рабочих-пролетариев—еще иное... Даже отдельные группы больших классов, расходящиеся между собою не в основных и главных, а в более частных и второстепенных условиях жизни, вырабатывают себе отчасти особую идеологию—„социально-групповую“. Так, идеология далеко не вполне одинакова у крестьян и у городских ремесленников, хотя те и другие имеют много общего между собою, как мелкие производители; она не вполне одинакова даже у фабрикантов и у банкиров, и т. под.

— Совершается ли идеологическое развитие всегда непрерывно и в сторону прогресса, или нет?

— Нет, история показывает, что это бывает так большей частью, но не всегда. Во-1), на памяти человечества случалось не раз, что целые общества, иногда уже достигнувшие довольно высокой степени культурного развития, затем приходили в упадок: разлагались изнутри или разрушались под ударами внешних врагов, чаще—то и другое вместе. Вместе с самим обществом тогда терпела крушение также его идеология. Эта судьба постигла целый ряд древних цивилизаций: египетскую, халдейскую, финикийско-карфагенскую, мексиканско-индейскую и другие. Пример же наиболее замечательный—гибель античного, греко-римского общества, с его грандиозной, в иных отношениях и теперь не превзойденной культурой.

Во-2), когда общество состоит из классов, борющихся между собою, то их идеологии разделяют участь самих классов: вместе с ними растут и развиваются, вместе с ними деградируют и падают. Когда новый класс завое-

ываает господство, то наступает полный расцвет его идеологии; напротив, идеология класса, им побежденного, теряет общественное значение, слабеет, разлагается. Такой переворот пережили, напр., европейские страны в XVIII—XIX веке, когда буржуазия одолела и оттеснила феодальную аристократию; с тех пор феодальная идеология, с ее католицизмом, нравственностью, основанной на авторитете, идеей наследственной власти, все более отмирала; а буржуазная, с ее безрелигиозностью, с ее индивидуалистической нравственностью, с ее всепроникающим принципом частной собственности, захватывала все полнее господство во всех областях жизни общества, налагала свой отпечаток даже на сознание других классов.

Следовательно, наша наука должна изучать идеологии в процессе их изменений и борьбы, их развития или их деградации, их жизни и умирания.

II. Методы идеологической науки.

а) *Индукция.*

— Какие существуют основные методы в идеологической науке?

— Те же, что и в других науках: 1) индукция, т.-е., буквально, „наведение“, — метод обобщающий, идущий от частного к общему; 2) дедукция, т.-е. „выведение“, — метод, применяющий обобщения, делающий выводы от общего к частному.

— Какие существуют виды индукции?

— Три вида: 1) обобщающее описание; 2) статистический или подсчетный метод; 3) абстрактный или упрощающий метод.

— Какой из трех видов индукции первоначальный и основной?

— Метод обобщающего описания.

— В чем состоит метод обобщающего описания?

— В том, что собирают вместе сходные между собой факты или явления и отыскивают, что в них есть общего; так получают описательные обобщения. В сущности, начало этого метода имеется в самой человеческой речи: когда обозначают сходные действия или сходные вещи одним и тем же словом, то это слово есть уже обобщение,—оно объединяет их по сходству и указывает на их общие черты или элементы. Так, когда мы произносим или мыслим: „человек“,—то мы тем самым связываем воедино бесчисленные знакомые нам образы людей и подразумеваем все, что в них одинаково, что в каждом из них повторяется. Но такое бессознательно сложившееся обобщение не обладает еще отчетливостью и точностью, какие вырабатываются в сознательном исследовании, в научном мышлении. Там обобщаемые факты сопоставляются и сравниваются систематически; то, что в них общего, специально выделяется и формулируется. Напр., наука об языке, всех раньше развившаяся часть идеологической науки, получала свои первые обобщения таким путем, что сравнивала слова, сходные по звукам и по значению, обособляла в них с одной стороны одинаковые звуки (общий „корень“ этих слов), с другой—присущий всем им оттенок значения (смысл этого корня). Даны, положим, слова: „рабочий“, „работа“, „поработить“, „раб“, и др. Нетрудно видеть, что в них есть один и тот же корень „раб“, выражающий идею труда.

Наша наука, подобно другим общественным наукам, и даже еще больше, чем они, должна нередко сравнивать и обобщать явления гигантской сложности, напр., сопоставлять по сходству целые религиозные мировоззрения разных народов, целые системы нравственности и т. под.

— В каком порядке ведется обобщающее описание?

— В порядке прогрессивно-восходящей лестницы (градации). Из частных фактов образуются первые обобщения; но познание не останавливается на них, а сопоставляет их между собою и, выделяя в них общее, производит таким

образом обобщения второго порядка; из них точно так же — обобщения третьего порядка и т. д., вплоть до немногих, или даже одного, высшего и последнего, обобщения. Типичный пример подобной лестницы дает любая научная классификация, напр., животных или растений. Все, сколько бы их ни было, животные, сходные между собою настолько, насколько могут быть сходны родители и дети, образуют один вид; их общие черты составляют характеристику данного „вида“, сущность этого обобщения. Виды, близко родственные друг другу по устройству тела, образуют род; сумма одинаковых черт, разумеется, здесь меньше, чем между особями одного вида, так что обобщение „по объему“ меньше, но „по широте“ оно больше и представляет обобщение следующего, второго порядка. Близкие друг другу роды образуют семейство, близкие семейства — отряд; из отрядов составляется класс, затем тип, затем царство. В классификации зоологической это — последнее обобщение; оно выражается понятием „животное“ и охватывает те немногие черты, которые имеются у всех представителей этого царства; но связавши его с высшим обобщением ботанической классификации — „растение“, получаем еще высшее — понятие „живого существа“, последнее для описательной биологии, и т. д.

В идеологической науке существуют аналогичные лестницы обобщающего описания. Так, религии древних греков, германцев, славян, индусов и целого ряда других народов весьма сходны по основному строению, напр., все характеризуются множественностью богов, разделением сфер или областей, ими управляемых, цепью власти-подчинения, в которую они организованы и которая в точности повторяет цепь сюзеренов-вассалов, свойственную феодальным-обществам. Все подобные религии относятся к одному виду — многобожных (политеистических) систем. Соматывая этот вид с другими, фетишистическим, единобожным, и выделяя все, что в них имеется общего, получают родовую характеристику религиозных миро-

воззрений. Сравнение с другими родами мировоззрений — метафизическими, научно-философскими — дает обобщение следующего порядка: понятие о системах мировоззрения вообще. Оно, в свою очередь, связывается с понятием о системах моральных, правовых, образуя основу для характеристики „идеологий вообще“. Это для нашей науки последняя, высшая ступень в градации понятий.

— Не достаточен ли метод обобщающего описания для целей научного исследования?

— Нет. Хотя в новейшей философии существует такой взгляд, что к одному этому методу сводится все познание (теории „чистого описания“), но это — недоразумение, зависящее от того, что с методом обобщающе-описательным смешиваются другие, — правда, происшедшие от него, — формы индукции, высшие и более совершенные. Он тем более недостаточен, чем сложнее изучаемые явления и чем более они изменчивы. Тогда в группе взаимно-родственных явлений одни и те же признаки сходства в одних случаях имеются, в других отсутствуют, при изменениях иногда появляются, иногда усиливаются, иногда исчезают; и простое описание впадает в расплывчатость, в неопределенность. Даже для простейших фактов, изучаемых, напр., физикой, эта недостаточность нередко сказывается с очевидностью. Тела без опоры падают, это явление обычно повторяется миллионы раз на наших глазах, — но дать его общее описание путем простого сравнения и классификации до крайности трудно. Одни тела падают быстро и прямолинейно, другие медленно и зигзагами; третьи, как облака, пыль, повидимому, совсем не падают, на деле падают неуловимо медленно; четвертые, как дым из печей, иногда идут вверх, иногда же заметно вниз; кусочек золота падает так, а тот же кусочек, расплюснутый в тонкий листок, иначе, и т. д. Простое описание тут должно чрезвычайно усложниться и затеряться в частности, в мелочах.

Тем более это относится к сложнейшим и постоянно изменяющимся идеологическим формам. Обобщающее опи-

сание какой-нибудь группы живых, развивающихся языков или группы мировоззрений, общественных систем нравственности и т. под., составляет такую массу и такого запутанного материала, что овладеть им вполне для отдельного человека не только трудно, а часто практически невозможно.

При этом особенно важно вот что. Цель и смысл познания—в предвидении, в руководстве человеческими действиями, трудом и борьбою жизни. Простое описание обобщает только то, что уже наблюдалось; а в общественном процессе, и специально в мире идеологий, наиболее интересно познать то развитие, которое теперь совершается и создает новые формы, каких раньше и не было; всего желательнее предвидеть ход и результаты этого развития, характер этих новых форм, чтобы активно участвовать в прогрессе жизни и не тратить сил на борьбу с тем, что полезно для нее или что неизбежно. Всего этот метод описания дать не в силах: он позволяет предвидеть лишь там, где явления однообразно повторяются, не развиваясь.

— В чем заключается статистический метод индукции?

— В количественном исследовании, выясняющем, насколько часто встречаются те или иные признаки в данной группе явлений, и в какой мере или степени при этом они выражены. Этим, во-1), вносится больше определенности и точности в познание; во-2), создается возможность хоть до некоторой степени предвидеть вероятный ход протекающих новых процессов развития.

Так, допустим, что мы изучаем данное общество по признаку обладания собственностью. Мы нашли, что в нем столько-то, — допустим, 80 миллионов людей, — сходны между собою в том, что имеют собственность, и 20 миллионов не сходны с ними, но сходны между собою в том, что ее не имеют. Это знание гораздо определеннее и точнее того, чем если нам известны только два обобщения — „собственники“ и „не-собственники“.

Затем, положим, мы установили, что в том же обществе 10 лет тому назад собственников было не 80, а 85 на 100; десятилетием же еще раньше—88 на 100; еще за 10 лет—90%. Зная это, мы можем с известной вероятностью предвидеть, что в последующие годы число собственников вновь уменьшится, а число пролетариев возрастет. Достоверности в этом предвиденье нет, так как наши подсчеты не могли показать, почему разоряется больше людей, чем из неимущих переходит в имущие; но вероятность есть, и тем более значительная, чем более массовой характер имеет найденное изменение.

Более полное и широкое статистическое исследование выяснит нам и то, в каких размерах распределен признак собственности: сколько крупных, сколько средних, мелких собственников, — при чем условлено „крупными“ называть, положим, тех, чье богатство превосходит 100 тысяч рублей, средними — имеющих от 10 до 100 тысяч, мелкими — меньше 10 тысяч. Наше представление об экономическом состоянии общества тогда станет еще точнее; предвидение, на основании данных за разные годы, — также определеннее. Мы, напр., убедимся, что число крупных собственников растет, число средних мало изменяется, число мелких с такой-то скоростью уменьшается; и мы будем ожидать дальнейшего увеличения численности богачей, с одной стороны, пролетариев — с другой.

— Применим ли статистический метод только там, где возможно точное счисление и измерение?

— Нет, не только там. В массе случаев цифровое исследование очень трудно, или даже невозможно, а отношения величин, тем не менее, в общем улавливаются достаточно хорошо, чтобы определить общую картину изучаемых явлений и общий ход изменений в них. Напр., наблюдатель деревенской жизни, знакомый за последние десятилетия до революции с разными местностями России, без особых подсчетов приходил к заключению, что у нас уменьшается количество средних и мел-

ких хозяйственных крестьян, растет число богатых, и особенно число бесхозяйных, сельских пролетариев. Статистический метод есть вообще количественный, а не только цифровой. Иногда арифметический подсчет не представляет даже никакого интереса. Так, мы констатируем, что „значительное большинство“ тел нашей обычной обстановки обладают признаком тяжести, т.-е. падают, если остаются без опоры. Но было бы весьма бесплодно считать, сколько тел соответствует этому правилу и сколько образуют исключение. В идеологической науке лишь изредка случается иметь дело с настоящими цифровыми данными, да и тогда их значение только приблизительное. Пример — анкеты, которые у нас иногда делались среди студентов, среди рабочих какой-нибудь фабрики, союза и т. п., по поводу их политических взглядов, литературных симпатий, философского или религиозного мировоззрения: получались цифры не массовые и заведомо не очень точные. Но и массовые числа, какие даются, напр., счетом голосов на парламентских выборах, далеко не могут приниматься с таким доверием, как, положим, экономическая статистика. Если число голосов, поданных за рабочую партию в Германии, за несколько лет возрастало на миллион, а число клерикальных и консервативных голосов уменьшалось на несколько сот тысяч, то, без сомнения, можно сделать вывод о прогрессивном вытеснении одной системы идей другою; но это не будет точно установленный факт, потому что аналогичное изменение числа голосов в другом случае могло бы быть вызвано просто новым тяжелым налогом или законом об увеличении войска.

Тем не менее, весьма часто в нашей науке и без помощи строгих цифр статистический метод позволяет получить определенную характеристику изучаемых фактов и того направления, в котором они в данное время изменяются. Так, благодаря единогласному свидетельству многих опытных наблюдателей жизни, мы знаем, что в начале XX века до войны, во Франции свободомыслие

значительно преобладало над католицизмом, или что во всей Европе уменьшалось влияние религиозных мировоззрений в народных массах, увеличивалось распространение и сила научно-философских; но точного числового выражения этих процессов у нас нет, и дать его не смог бы никакой ученый.

— Если статистический метод даже в приблизительной своей форме вносит в познание определенность и дает опору для предвидений, то не может ли индуктивное исследование на нем окончательно и остановиться?

— Статистический метод способен давать более совершенное описание фактов, чем метод простого обобщения, но все же только описание, а не объяснение. Каждое явление — сложный результат многих причин, и против этой сложности статистический метод бессилён: он не может выделить эти причины из их сцепления, не может определить, какие из них более общие, основные, и какие более частные, второстепенные, и как те и другие соединяются в действительности. Оттого не вполне надежны и его предвидения. Напр., мы можем собрать статистику богатства страны под-ряд за 7—8 лет и найти, что оно возрастает, и даже все быстрее. На этом основании мы предскажем, что и на следующий год оно еще увеличится, — а на деле увидим совершенно обратное: это окажется год кризиса, который принесет резкое понижение величины капитала нации. Или, напр., в области нашей науки: мы наблюдаем идейную жизнь народа за целый ряд лет и находим все более энергичный рост освободительных и прогрессивных идеологий. Наступает революция, за время которой этот рост ускоряется до крайности. Но если мы будем ожидать, что и дальше развитие пойдет так же, то рискуем очень ошибиться: наступает реакция, и процесс поворачивает в другую сторону, к усилению консервативных и ретроградных идеологий. Во всем этом нет ничего удивительного: наблюдаемый процесс зависит не от одной, а от нескольких

причин и от соотношения между ними; но подсчет и измерение, ни приблизительные, ни даже вполне точные, не обнаруживают ни этих причин, ни их взаимной связи; основа явлений ускользает от него. Ее должен найти другой метод, абстрактный.

— В чем сущность абстрактного метода?

— В упрощении фактов путем их разложения (анализа). Поэтому абстрактный метод называют также „аналитическим“.

— Каким путем достигается разложение сложных фактов?

— Таким, что из них удаляют или от них „отвлекают“ разные усложняющие условия так, чтобы обнаружилась самая основа явления. Оттого и метод носит имя „абстрактного“ („абстрагировать“ значит отвлекать). Отвлечение усложняющих элементов производится иногда на самом деле, т.-е. практически; иногда же только мысленно,—когда практически его выполнить невозможно или неудобно.

— Как производится практически упрощающее отвлечение и в каких случаях оно возможно?

— Оно производится посредством точных опытов, „экспериментов“, и удается, следовательно, лишь тогда, когда изучаемые вещи или явления таковы, что мы можем свободно ими распоряжаться, экспериментировать над ними. Мы можем делать это над разными телами мертвой природы, над растениями, животными. Поэтому абстрактный метод в виде точных экспериментов и применим, главным образом, в физике, химии, биологии, вообще—в естественных науках. Возьмем уже намеченный нами пример: падение тел. Большинство их падает вертикально, иные быстрее, другие медленнее; некоторые падают зигзагом, другие вовсе не падают, а есть и такие, которые летят вверх. Видя действия ветра и всяких движений воздуха на падающие тела, мы догадываемся, что тут вообще сопротивление воздуха является усложняющим

условием. Чтобы отвлечься от этого условия, берем длинную трубку и насосом выкачиваем из нее воздух. После этого оказывается, что в ней и кусок свинца, и клочок бумаги падают одинаково вертикально и одинаково быстро. Значит, мы опытом нашли основу фактов или, вернее, их основную постоянную тенденцию: все тела одинаково и с одинаковой скоростью „стремятся“ падать к центру земли („тенденция“ значит стремление); но сопротивление воздуха мешает им в этом, тяжелым телам меньше, легким—больше; иногда оно даже совершенно парализует и как бы маскирует, скрывает от нас постоянную тенденцию падения: тело видимым образом не падает (напр., капельки воды, образующие облака). Так одна тенденция, основная и более общая, осложняется другой, менее существенной и более частной. Явление объяснено, и мы уже гораздо точнее и строже можем рассчитать, предвидеть разные его случаи.

Однако, даже с неодушевленными предметами не всегда так удобно экспериментировать: иные из них вне нашей власти, напр., небесные тела; иные и доступны, но устранить какое-нибудь усложняющее условие технически трудно. Над людьми же постановка опытов возможна сравнительно редко (эксперименты в физиологии, медицине, психологии). А для явлений общественных, и особенно самых сложных, в том числе—идеологических, она невозможна почти никогда. Тут поэтому приходится прибегать к методу мысленного отвлечения, который большей частью, собственно, и называют „абстрактным“.

— Как выполняется мысленное отвлечение усложняющих условий из наблюдаемых фактов?

— Это—вещь настолько сложная, что мы должны сначала показать ее на примере.

Статистикой установлено за большие периоды времени, что в капиталистических странах крупные капиталы растут, количество средних и, особенно, мелких уменьшается, и возрастает также число пролетариев, лишенных

всякого капитала. Так бывает в большинстве наблюдаемых случаев, но бывают и исключения; а темп этих процессов (обозначаемых вообще, как „концентрация капитала“) весьма различен и сильно колеблется. Очевидно, есть усложняющие влияния, которые надо найти и мысленно устранить. Мы сопоставляем сделанные наблюдения и видим, что все они относятся к странам капиталистическим; но в то же время из других исследований мы знаем, что чистого капитализма, вполне цельного и законченного, ни в одной стране нет: всюду рядом с капиталистическим хозяйством или в смешении с ним есть разные остатки феодально-крепостного и ремесленно-цехового строя, иногда очень значительные. Тогда мы располагаем свои данные в ряд таким образом: на первом месте помещаем страны, где пережитки прежних форм хозяйства наиболее многочисленны и сильны, — напр., Турцию, Персию; на втором такие, где они менее значительны, напр., Россию, Японию, и т. д., вплоть до стран, где эти остатки наименее выражены, как Англия, Соед. Штаты. Оказывается, что чем больше было до-капиталистических пережитков, тем менее определенно, тем менее устойчиво и правильно, с более сильными колебаниями и нарушениями выступал процесс концентрации капиталов; чем более страна от них была свободна, тем отчетливее и правильнее ход этого процесса. Мысленно продолжая наш ряд вплоть до полного исчезновения до-капиталистических форм, мы приходим к представлению о чистом капитализме, и для нас ясно, что там процесс концентрации шел бы наиболее устойчиво и неуклонно. Это и есть абстрактный вывод: основной и постоянной тенденцией капитализма является концентрация капиталов. Иначе это выражают так: концентрация капитала есть абстрактный закон капитализма.

Мы произвели упрощение фактов, мысленно „отвлекли“ усложняющие условия и получили действительный закон явлений. Пользуясь им, мы можем с достоверностью предвидеть, что раз уже в страну проник капита-

лизм, то в ней появится и тенденция к концентрированию капиталов, которая будет ослабляться и нарушаться, порою совсем маскироваться влиянием уцелевших еще остатков прежних форм, — но будет обнаруживаться все сильнее и правильнее, поскольку капитализм будет развиваться, а пережитки старого строя отмирать. Статистический метод наметил нам некоторую „эмпирическую“ (прямо наблюдаемую, „опытную“, по буквальному смыслу слова) тенденцию; но, пока она не объяснена, мы не знали ни степени ее общности, ни ее границ, ни значения в историческом развитии. Абстрактный метод объяснил нам ее, указал ее основную причину, свел ее к настоящему закону.

— Как же следует формулировать прием мысленного отвлечения?

— Он заключается в том, что, сравнивая разные наблюдения, стараются определить, в какую сторону изменяется характер явления, когда тот или иной из его признаков выступает в большей степени, в какую, — когда он выступает в меньшей степени. Так находят тенденцию, связанную с усилением или ослаблением данного признака, и затем мысленно продолжают ее до конца, до наибольшего возможного развития признака или до полного его устранения. Этим путем явление представляется в более законченном или в упрощенном виде. Когда выяснена основная тенденция группы явлений, то это и означает, что найден их абстрактный закон. Вслед за основной тенденцией выясняется таким же образом наиболее постоянная или значительная из тенденций, ее осложняющих или вторичных, более частных, и т. д.: закон дополняется; достигается все более полное и точное понимание всего изучаемого цикла явлений.

— Насколько применим абстрактный метод в идеологической науке?

— Здесь он решительно преобладает, еще сильнее, чем в других общественных науках. Иначе и быть не

может, потому что идеологии—наиболее сложные из всех социальных явлений; следовательно, для их познания всего больше требуется упрощение, отвлечение. Но в то же время, конечно, и самое применение метода здесь оказывается особенно трудным. Вот пример из числа сравнительно простых: распространение „индивидуалистической“ идеологии.

Этим именем обозначаются понятия, идеи, нравственные и правовые нормы, основу которых составляет представление об отдельности и самостоятельности человеческого индивидуума; таково, напр., понятие об обществе, как о простом союзе первоначально независимых личностей, которые заключили этот союз ради эгоистических интересов каждой из них; такова идея о свободе, как естественном и прирожденном праве личности, учение о нравственном долге, врожденном человеку независимо от его общественной среды, теория о борьбе за личные выгоды, как естественном пути к общему благосостоянию, и т. д. Подобные идеологии уже давно преобладают в культурных странах, но не в одинаковой мере. В странах полу-культурных они еще не господствуют, но быстро развиваются; в еще более отсталых—только намечаются, у иных же варварских и диких племен почти совсем отсутствуют.

Расположим все данные современных наблюдений и истории прошлого по этому вопросу в один ряд, в порядке убывающего распространения индивидуалистических идеологий. Мы заметим на всем протяжении ряда одну общую тенденцию: индивидуализм тем сильнее, чем более развиты в стране обмен товаров и частная собственность; там же, где обмена совсем не было и господствовала собственность общинная, не было индивидуализма даже следов. Это позволяет нам установить абстрактный закон о связи индивидуализма в идеологиях с развитием обмена и частной собственности.

Но для того, чтобы весь анализ мог принять такую упрощенную форму, надо было выбрать из массы условий

жизни общества именно то, с которым сопоставляется наиболее успешно развитие данного явления, т.-е. прогресс обмена и частной собственности. Выбрать же возможно только путем различных предварительных попыток и сравнений, — часто лишь после множества неудач. Такова сложность и трудность метода. Она — одна из причин отсталости идеологической науки даже по отношению к другим общественным наукам.

б) Дедукция.

— В чем состоит метод дедукции?

— В том, что обобщения и законы, добытые индукцией, прилагаются к частным случаям, действительным или мыслимым, и таким образом „выводится“ объяснение этих частных случаев, а также и предсказание относительно них. Все „предвиденья“, о которых мы уже упоминали, говоря об индукции, представляют не что иное, как подобные выводы.

Дедукцию, в которой приходится применить только одно какое-нибудь индуктивно добытое положение, можно назвать элементарной или простейшей. Если, напр., установлено, что развитие менового хозяйства связано с развитием индивидуалистических идеологий, и если мы знаем, что какое-нибудь африканское племя, раньше жившее всецело натуральным хозяйством, теперь вступает в оживленный обмен с проникшими к нему европейскими купцами, то мы прямо получаем вывод, что и среди этого племени должны зародиться и расти элементы индивидуализма. — Чаше, однако, в науке мы имеем дело со сложными дедукциями, где для понимания или предвидения определенного частного случая применяется сразу несколько индуктивных обобщений или законов. Напр., если нам надо предсказать путь брошенного тела — камня, артиллерийского снаряда, — то мы должны принять в расчет три абстрактных закона, относящихся к падению тел, к сложению скоростей, к сопротивлению

воздуха. Если требуется объяснить идеологическое состояние данной страны в данную эпоху, с разнообразными, смешанными и частью противоречивыми идеологиями, то надо применить целый ряд абстрактных законов нашей науки.

— Из трех видов индуктивного метода каждый ли способен давать положения, пригодные для того, чтобы строить на них дедукции?

— Да, каждый, но в чрезвычайно различной степени. Простые обобщения по сходству, получаемые посредством описательного метода, весьма ненадежны в этом отношении, так что дедуктивные выводы из них часто ошибочны: сходства, уловленные обобщением, могут быть случайны или частичны, и потому неустойчивы. Таковы, напр., бесчисленные наивные дедукции народных мифологий. Люди, положим, наблюдали, как на расстоянии поражает человека или зверя брошенное оружие—стрела, дротик; и, обобщивши эти наблюдения, они сделали из них вывод о том, что молния, которая тоже иногда поражает живые существа и другие предметы на больших расстояниях, есть не что иное, как метательное оружие, брошенное чьей-то сильной рукой, и т. под. Столь привычные для всех обобщения: в воде живут рыбы, в воздухе летают птицы,—привели к неверным выводам, что кит есть рыба, а летучая мышь—птица, при чем этим животным оказались приписаны свойства, которых они не имеют, и т. д.

Метод статистический, со своей гораздо большей точностью, уже не столь ненадежная основа для дедукции. Однако, и он, как мы раньше отметили, может вести к ошибочным предвидениям: находимые с его помощью „эмпирические“ (т.-е. наблюдаемые прямо в опыте, на фактах) тенденции иногда меняют вдруг свое направление, обманывая всякие выведенные из них ожидания.—Затем масса статистически установленных положений по самой своей форме непригодны для вполне определенных

дедукций. Пусть мы выяснили, что такое-то явление в 900 случаях из 1000 протекает так-то, а в 100 — иначе; если затем возникает вопрос об еще новом случае того же рода, то мы не можем сказать ничего иного, кроме того, что такой-то ход явления вероятнее, чем иной, в 9 раз. Когда же нам приходится дедуктивно применить не одно, а несколько подобных положений вместе, тогда не только вероятность нашего вывода уменьшается, но не всегда даже удастся определить ее степень.

Настоящее и широкое поле для дедукции дает абстрактный метод. Он раскрывает постоянные тенденции наблюдаемых фактов, а вместе с тем позволяет объяснить и предвидеть не только те случаи, когда эти тенденции прямо обнаруживаются в действительности, но и те, когда они остаются в скрытом виде, парализованные и замаскированные другими тенденциями. Поэтому огромное большинство научных дедукций, особенно наиболее важные из них, бывают основаны на законах и формулах, полученных абстрактным методом. Благодаря такому соотношению, до сих пор многие даже смешивают абстрактный метод с дедуктивным. Но хотя в науке они постоянно идут рядом, по характеру они противоположны: абстрактный метод есть лишь наиболее совершенная индукция от частного к общему, дедуктивный же — применение результатов индукции, от общего к частному.

с) *Принцип причинности.*

— Какое место занимает идеологическая наука в ряду других?

— Если расположить все науки в ряд по возрастающей сложности их предмета, то наша наука займет среди них высшее, последнее место. Она принадлежит к кругу общественных наук, так как изучает общественное сознание, и следует за экономической наукой, изучающей „общественное бытие“, т.-е. самое строение обще-

ства, основные формы его жизни. Общественные науки, в свою очередь, относятся к циклу наук о жизни вообще, или „биологических“, и среди них опять-таки занимают высшее место по сложности своего предмета. Науки о жизни аналогичным образом находятся в ряду наук о природе, или „естественных“, и также между ними стоят выше всех по сложности объекта.

Другими словами, идеология есть одно из общественных явлений, и тем самым—одно из явлений жизни, и тем самым—одно из явлений природы. Отсюда—коренное единство методов: индукция и дедукция равно применимы к познанию всех этих явлений, различны лишь частности применения, напр., неодинаково значительная роль статистического метода, возможность экспериментов в одних науках, трудность или невозможность в других, и т. п.

— Кроме индукции и дедукции, нет ли дальнейшей и более тесной связи метода между науками естественными, общественными и наукой идеологической?

— Да, есть. Это именно принцип причинности. Во всех науках о природе и об обществе исследование бывает основано на той мысли, что каждый факт имеет свою достаточную и необходимую причину, которая лежит в некоторых предшествующих ему фактах. Главная задача исследования есть отыскание таких причинных связей между фактами; эти связи дают „объяснение“ фактов и опору для научного „предвиденья“. Сила абстрактного метода в том и состоит, что он раскрывает общие причины однородных фактов.

— Представляет ли принцип причинности нечто раз навсегда установленное, или же он изменяется?

— С развитием всего познания развивается и принцип причинности. Прежде все понимание причинности сводилось к тому, что если имеются налицо определенные условия, то необходимо наступает обусловленное, или их следствие; напр., если есть два куска дерева и

трение между ними, то это — достаточная причина, в силу которой происходит нагревание обоих кусков. Современное научное мышление этим не ограничивается. С тех пор, как возникло машинное производство и люди научились пряхсть силою пара, освещать улицы работою водопада, вообще производить одни явления за счет энергии других, превращая формы энергии, — с тех пор стало складываться новое, более глубокое понимание причинности. Принимается, что каждое явление не только необходимо следует за своею причиною, но что оно порождено ею, получилось из нее, и представляет заключающуюся в ней энергию в превращенном виде; напр., что теплота нагревания двух кусков дерева при трении есть новая форма, принятая затраченной энергией трения, и по количеству соответствует этой исчезнувшей механической работе. В науках о природе, особенно в физике и химии, теперь вполне господствует такая, „энергетическая“ идея причинной связи.

— Применимо ли энергетическое понятие причинности в науках общественных и специально — в идеологической?

— Применимо, хотя в гораздо меньших размерах, чем для наук естественных. Это зависит от меньшего развития общественных наук, от сложности изучаемых фактов. Измерять энергию явлений идеологических и вообще социальных еще не найдено способов. Но надо заметить, что настоящее измерение энергии, прямое и сколько-нибудь точное, удастся и естественным наукам лишь в сравнительно немногих случаях; гораздо чаще принципом энергии пользуются косвенно, основывая на нем много важных дедукций. Такое косвенное применение в иных случаях возможно и полезно также в нашей науке.

Напр., раз признается, что идеологические процессы образуют некоторую затрату энергии общества, то нам понятно, что эта энергия должна быть взята обществом откуда-нибудь, и очевидно, что именно из внешней природы. Этим объясняется, почему идеология развивалась с

величайшей медленностью в те времена, когда почти вся сумма усилий общества в его труде уходила на простое поддержание его жизни, и почему идеология могла расти и усложняться несравненно быстрее тогда, когда общество стало располагать значительной массой „прибавочного труда“, т.-е. извлекать из внешней природы гораздо больше энергии, чем затрачивало на трудовую борьбу с нею.

д) Принцип приспособления.

— Какая существует ближайшая связь метода между науками общественными и биологическими?

— Принцип приспособления. Все живое приспособляется к среде, его окружающей, и вне приспособления жить не может. Где есть неприспособленность, там получается разрушение жизни, частичное или полное. В этом заключается стихийный подбор, в силу которого только приспособленное устойчиво сохраняется и развивается. Это относится одинаково ко всем формам жизни—растениям, животным, людям, обществам, понятиям, идеям. Гибнет организм, неприспособленный к добыванию пищи из своей среды, к ее температуре, к защите от врагов; гибнет клетка, неприспособленная к окружающим ее тканям организма; разрушается общество, неприспособленное к добыванию жизненных средств из внешней природы, к борьбе с другими, враждебными обществами. Если иногда мы находим, что дело происходит и не так, что сохраняются и „неприспособленные“, напр., хронические больные и слабоумные в приютах, погибают и „приспособленные“, напр., сильные, интеллигентные работники при безработице, то это—неточность, зависящая от способа выражаться: идиоты и больные сохраняются потому, что их поместили в особенно благоприятную среду, к которой и они, при своей малой жизнеспособности, все-таки достаточно приспособлены; а люди здоровые и энергичные, т.-е. весьма жизнеспособные, могут оказаться в такой

неблагоприятной, враждебной среде, что и они к ней не приспособятся.

Равным образом понятия, идеи и прочие идеологические формы могут сохраняться и развиваться только тогда, когда они приспособлены к той среде, в которой живут, среде природной и общественной. Так, когда арийские племена пришли с севера в Ост-Индию, они, конечно, принесли с собой свои понятия о временах года—зиме, весне, и проч.; но эти понятия были приспособлены к природе их родных, умеренно-холодных стран, и оказались неприспособлены к тропическому климату Индии, а потому не удержались и заменились новыми: время дождливое, время сухое; и т. под. В обществах консервативных, устойчивых, неуловимо-медленно развивающихся, господствуют идеологии „статические“, т.-е. основанные на идее неподвижности мира, неизменности его законов, непреложного хода вещей, абсолютной, вечно себе равной истины; подобные идеологии, очевидно, вполне приспособлены к неподвижной общественной среде. Но когда общество начинает быстро, заметно для самих людей, развиваться, когда его старые формы на их глазах сменяются новыми, когда все прежнее становится непрочным и неустойчивым,—тогда статические понятия и учения обнаруживают свою неприспособленность к изменившейся, текучей жизненной обстановке: они начинают разрушаться и отмирать; а их сменяют новые идеологии, „динамические“, основанные на идее движения, развития в природе, жизни и мышлении.

— В какой связи находится применение принципа причинности и принципа приспособления?

— В исследовании жизненных явлений первый направляет нашу работу к отысканию их причин, второй указывает, как и где их искать: он учит нас, что недостаточно рассматривать эти явления в отдельности,—что причины их сохранения или разрушения, их развития или деградации, лежат в их отношениях к той среде,

в которой они протекают. Таким образом, принцип приспособления точнее определяет причинность жизненных явлений; его можно назвать специально-биологической причинностью.

е) Социальная причинность.

— Какая существует ближайшая связь метода между идеологической и другими общественными науками?

— Общее для всех этих наук понимание причинности, которое мы назовем „принципом социальной причинности“. Сущность его такова: причины всякого развития общественных форм лежат в области производства, трудовой борьбы общества с природою.

— Следует ли понять социальную причинность в том смысле, что для развития, напр., любой идеологической формы можно непосредственно найти причину в сфере производства?

— Нет, не совсем так. Причина одного идеологического явления может лежать и в других идеологических явлениях, напр., идея возникает нередко потому, что она необходимо вытекает из других, раньше сложившихся идей, а те, в свою очередь, могут быть порождены также идеологическими условиями, и т. д. Но, продолжая эту цепь, исследование необходимо приходит к причинам уже производственного характера. Другими словами: идеология в конечном счете определяется производственными условиями.

— Условия производственные то ли же самое, что „экономические“?

— Не совсем. Производство, или общественный труд, представляет две стороны. Одна обращена к внешней природе; это — технический процесс, самое воздействие человека на предметы его труда, на материалы и орудия производства; способы и приемы труда кратко

обозначаются, как его „техника“. Другая сторона обращения к самим людям: технически действуя на природу, они в своем труде вступают в различные связи и соотношения: сотрудничают, делят работу между собою, распределяют поле³ труда, напр., отделяя одни участки земли от других под названием „собственности“, присваивают друг у друга разными путями продукты труда, и пр. Это — экономический процесс; совокупность его форм — „экономика“ общества.

— Как представляется отношение экономического и технического процесса с точки зрения социальной причинности?

— Основная из двух сторон производства — техническая. В зависимости от ее изменений изменяется экономическая. Следовательно, более полное и точное выражение социальной причинности таково:

экономика общества определяется в своем развитии, его техникой;

идеология определяется в своем развитии экономикой и техникой.

Напр., когда мы будем изучать религиозные идеологии, то увидим, что они настроены на принципе власти — подчинения (или „авторитарном“); и господство их обусловлено такими экономическими отношениями, что во всем общественном труде преобладает авторитарное сотрудничество: повсюду имеется организатор, который распоряжается, и исполнители, которые подчиняются. Но и эта экономика зависит от определенного состояния или уровня техники; а именно, от такого, когда в каждой общине технический процесс уже слишком сложен и обширен, чтобы мог обойтись без особой распорядительской или организаторской деятельности, но еще не настолько обширен и сложен, чтобы эта деятельность была непосильна для отдельной человеческой личности. — Когда же техническая жизнь общин разрастается и развивается до того, что отдельный человек не в силах руководить производством целой общины, тогда они начинают распа-

даться на самостоятельные хозяйства, связанные разделением труда и обменом продуктов; это уже новая экономическая форма, и с нею зарождаются иные, новые идеологии.

— В каком соотношении находятся принципы социальной причинности и приспособления?

— Если ясно представить себе тот и другой в их применении, то мы убедимся, что социальная причинность является необходимым выводом из идеи приспособления, как ее частный случай. В самом деле, из нее следует, что развитие общества определяется его приспособлением к окружающей среде, т.-е. к внешней природе, в борьбе с нею за существование. Но эта борьба общества с природою непосредственно протекает именно в виде технического процесса; следовательно, в его сфере происходит непосредственное приспособление общества к внешней среде; другими словами, здесь и определяется все развитие общества.—В экономике общество также, конечно, приспособляется, но не прямо к внешней среде, потому что экономический процесс протекает между самими людьми, а не между людьми и природою. И в то же время экономические связи людей—необходимое приспособление для производства для борьбы с природою, потому что посредством них объединяются, распределяются, вообще—организуются трудовые силы общества. Таким образом, это—не прямое, а косвенное приспособление к внешней среде, и понятно, что оно находится в зависимости от приспособления непосредственного—от техники, что оно ею определяется.

Идеология тоже служит для борьбы с природою, она—тоже приспособление. Так, напр., с помощью речи организуется все сотрудничество и присвоение, с помощью накопленного знания организуется все дальнейшее производство. Но очевидно, что идеология—приспособление еще более косвенное, чем экономика, еще дальше отстоит от непосредственной борьбы с природою, исход

ного пункта всего общественного развития. Поэтому идеология необходимо должна зависеть в своем развитии от экономики и от техники.

Итак, социальная причинность выражает цепь последовательного приспособления, идущую от самого основания общественной жизни, от техничеки-трудового взаимодействия с природою, ко все более далеким от него, как бы выше и выше лежащим областям общественного процесса.

Отсюда, между прочим, следует, что и среди самих идеологических форм те, которые ближе и теснее связаны с техникой, должны развиваться раньше, так сказать, „первичнее“ других. Напр., слова, которые означают трудовые действия, материалы, орудия труда, должны возникать прежде слов, выражающих отвлеченные понятия, при чем эти последние складываются в зависимости от первых; знания практические также занимают в процессе развития более основное положение, чем знания абстрактно-научные, а особенно философские, и т. под.

— Можно ли найти цепь последовательного приспособления, подобную социальной причинности, за пределами человеческих обществ, где-либо в остальной живой природе?

— Трудность заключается в том, что научное понимание душевной и социальной жизни других существ еще находится в зародыше. Тем не менее, есть все основания принимать, что общественные или стадные группировки животных, соединяющих свои усилия для борьбы за жизнь, подчинены аналогичному закону. Напр., в сложных и планомерных строительных работах у бобров, в еще более сложном и также планомерном хозяйстве у муравьев можно с уверенностью принять, что взаимные отношения сотрудничества и разделения труда у этих животных, т.-е. „экономические“ их отношения, определяются их „техникой“ — практической задачей, которую

они разрешают, размерами и характером препятствий, которые при этом преодолевают, способами, которыми этого достигают. И далее, те знаки или „сигналы“, посредством которых они в работе выражают то, что им надо, и понимают друг друга,—издаваемые ими звуки, а у муравьев, вероятнее, движения и прикосновения их сяжек,—должны приспособляться, опять-таки, и к техническим условиям работы, и к способам соединения, распределения усилий в ней, к ее „производительным отношениям“.

Для наглядности, рассмотрим подробнее один случай. В стране, обитаемой определенной породой птиц, климат становится холоднее. Птицы страдают и от понижения температуры и от недостатка пищи зимою. Вырабатывается новое приспособление: птицы на зиму перелетают в теплые страны подобно тому, как бродячие охотники или кочевые скотоводы зимой передвигаются к югу: приспособление, относящееся к непосредственной борьбе за существование, т.-е. „техническое“.

Но далекие перелеты сопровождаются большим утомлением и во много раз увеличенными опасностями от внешних врагов; перелеты в одиночку поэтому в массе случаев прямо губельны. Вырабатывается новое приспособление: стайный перелет, сберегающий силы, потому что стае легче преодолевать сопротивление воздуха, и позволяющий более успешно отбивать нападения врагов. Понятно, что и способ расположения птиц в стаю, и порядок смены передней птицы, которой приходится с наибольшей работой разрезать воздух, эти отношения стайного сотрудничества, аналогичные трудовой экономике людей, должны развиваться в зависимости от условий перелета, определяются, следовательно, его „техникой“, как приспособление второго порядка, более косвенно связанное с борьбою за жизнь.

Далее, при стайности перелета становится в высшей степени важным для общей безопасности и для успеха всего дела, чтобы отдельные особи умели достаточно хо-

рошо выражать то, что они видят или чего хотят, и понимать друг друга. Если одна птица заметила вдали хищника или, напротив, пищу, если часть птиц уже устала и не может без истощения лететь дальше,—надо, чтобы все остальные немедленно узнали об этом; иначе хищник легко выхватит птицу из стаи неожиданным нападением, или стая будет страдать от голода, или распадется от переутомления более слабых. Вырабатывается система сигналов, криков и движений, означающих предостережение, призыв, требование отдыха и т. под.; их практическая роль подобна роли речи и других идеологических элементов в сотрудничестве людей. И опять-таки ясно, что эта система сигналов должна развиваться в зависимости и от „техники“ перелета, и от „экономики“ стайного сотрудничества: приспособление третьего порядка, еще более косвенное.

Как видим, соотношения те же, что в социальной причинности.

Другая иллюстрация: вероятный путь развития стайной связи у волков.

„Техника“ волчьей борьбы за существование сводится к охоте. Пока это главным образом охота за мелкими животными, для которой достаточно сил отдельного волка, необходимости в развитии стайности нет. Но, допустим, этой мелкой добычи для прокормления волков на данной территории становится недостаточно; это может случиться либо вследствие изменения климата, ведущего к уменьшению богатства фауны, либо в силу конкуренции с другими хищниками, либо даже благодаря усиленному истреблению мелких животных самими волками. Так или иначе, выступает новая техническая задача—охоты за более крупными животными; для этого требуется иная затрата усилий и новые приемы.

Пусть дело идет о бизонах, о диких лошадях: с бизоном отдельному волку не справиться, лошади ему не поймать. Задача решается развитием стайного сотрудничества: изменение в „экономике“. Оно развертывается

постепенно. Чем больше численность стаи, тем необходимее становится руководство: беспорядочной массой бросаться на добычу невыгодно, одни мешают другим, тратится много лишней энергии, а с сильными стадными животными это может часто вести и к поражениям. Выделяется вожак—старый, наиболее опытный волк. Он распределяет роли, напр.; часть стаи помещает в засаду, часть посылает как загонщиков добычи; он же и подает сигнал к нападению, и т. д. Отыскивать добычу всей стаей вместе неудобно и невыгодно, приходится посылать особых разведчиков. Так возникают некоторые зародышевые формы разделения труда.

В зависимости от развития сотрудничества изменяются и формы распределения. В стае нельзя из добычи хватать, сколько кто может,—необходима равномерность в дележе. Если, напр., засада успела овладеть оленем, а загонщики еще отстали, надо их дожидаться или не трогать их доли: элементарный коммунизм в присвоении.

Неизбежна и дальнейшая выработка системы сигналов,—теми, которые были достаточны при индивидуально-семейных связях, тут уже обойтись нельзя. Вожак должен указывать членам стаи их роль в выполнении общей задачи — одним, напр., отправляться на разведки, затем, когда добыча найдена, другим — загонять ее, третьим ждать в засаде; нужны особые сигналы к отступке, к нападению, к отступлению и про каждый сигнал, какой-нибудь особый крик, вой, по своей функции подобен слову, и представляет своего рода „идеологический“ элемент.—Если вожак, следя за бегом загоняемой добычи, выжидает момента дать засаде сигнал к выступлению, то этот сигнал пока остается у него в голове, в „сознании“, что соответствует элементу „мысли“. Соотношения, как видим, опять все те же.

— Какое более обычное обозначение в литературе носит принцип социальной причинности?

— „Исторический материализм“. Под этим названием он был впервые формулирован Марксом. „Материализм“ — термин философский, употребляемый, как и большинство таких терминов, в разных значениях и оттенках. Мы будем употреблять выражение „социальная причинность“ еще и потому, что оно указывает на вполне научный, а не только философский характер принципа.

f) Организационная роль идеологии.

— Если идеология — приспособление, то какого рода? Каково ее общее жизненное значение, или ее „функция“ в борьбе общества за его существование?

— Функция организационная. Мы определили вначале идеологию, как общественное сознание, при чем характеризовали ее формы, как способы выражения и понимания людьми их мыслей, чувств, их воли. Все это, будучи вполне верно, не дает еще, однако, понятия об объективном значении, о практической роли идеологии в общественном процессе. Не-научное мышление даже не ставит вопроса об этом, и хотя замечает, что речь, знания, идеи и пр. часто бывают практически-полезны, но рассматривает это, как нечто побочное для них, а не как нечто постоянное и необходимое, относящееся к самому существу идеологии: все „идеальное“ обычно противопоставляется „реальному“ или практическому. Для науки же, усвоившей принцип приспособления, все „реально“ в жизни, все нужно для чего-нибудь. А если какая-нибудь часть жизненного процесса кажется бесполезной, не имеющей реального значения, то надо принять одно из двух: либо это — приспособление, пока еще нами не понятое, недостаточно познанное, либо это — прежнее приспособление, которое было выработано при других условиях и было полезно, но теперь уже утратило свое значение, и сохраняется только как пережиток прошлого. С идеологией часто бывает и то и другое.

Она есть общественное сознание. Сознание же служит живому существу—человеку, животному—для того, чтобы организовать свою жизнь: чтобы свои движения, действия согласовать с потребностями, свои ощущения связать в стройный порядок памяти. Согласовывать, стройно связывать, это и значит организовать. То же делает идеология в общественном процессе.

Для чего требуется человеку „выражать“ что-либо, для чего ему требуется „понимать“ то, что выражают другие? Именно для того, чтобы действия разных людей согласовались между собою и сообразовались с результатами их прежних действий, с их накопленным опытом, чтобы то, что известно одному, стало известно и другим, и все могли бы сообразоваться с этим,—чтобы устранить те или иные жизненные противоречия между ними. Такова организующая функция идеологий.

— Разве все, что человек выражает, он выражает непременно для чего-нибудь? Разве это не делается часто без всякой практической цели, — „как птица поет“?

— Без сомнения, в огромном большинстве случаев сам человек, который что-либо выражает, всего меньше представляет себе организационный характер своего акта. Это—одна из главных причин господствующей смутности и ненаучности во взглядах на идеологию. Но нас теперь занимают не субъективные представления людей, а объективный смысл явлений. Птица поет, не думая о жизненной функции своего пения; однако эта функция существует, и также именно организационная, относящаяся к семейной жизни. Это—способ сблизить самца и самку, связать их в единстве настроения, необходимым и для самого заключения брака, и для последующего сотрудничества в хозяйстве семьи. Если бы пение не было организационным приспособлением, оно не могло бы развиваться: оно было бы лишней растратой сил и лишней опасностью, как указание врагам птицы на ее присутствие;

тогда, в силу естественного подбора, выживали бы наиболее молчаливые из числа птиц, и пение исчезло бы. Вполне аналогично, не могли бы развиваться речь, познание, искусство и пр., если бы не были объективно полезны. Каждый раз, как человек что-либо выражает, хотя бы это не имело заметных непосредственных результатов, социальное значение того, что он делает, по существу не меняется: если выраженное воспринято и понято другими людьми, то с этого момента между ним и этими другими прибавилось еще нечто общее, в силу чего должна увеличиться согласованность их дальнейшей жизни — их опыта и их действий.

— Но организационный результат далеко не всегда, ведь, фактически достигается тем, что человек выразит свои мысли, чувства, желания? Разве этим нередко не увеличивается, напротив, его противоречие с другими людьми?

— Это означает только то, что приспособление не совершенно, что оно не всегда действует успешно. Иная птица может петь так неудачно, что лишь оттолкнет от себя самку, и не устроит, а дезорганизует свою семью. Это не изменит того общего биологического значения, которое имеет пение птиц с научной точки зрения. Если организующее приспособление в том или ином случае не достигает своей цели, это не изменяет его природы, — что в полной мере относится и к идеологии. Идеологический процесс образует огромную затрату энергии общества, и если бы не представлял определенной жизненной необходимости, то не мог бы расти и расширяться. Пока не понято, в чем состоит эта жизненная необходимость, развитие идеологии остается необъяснимым, как необъяснимо для нас развитие органа, функции которого в организме мы еще не знаем.

— Но идеология может и не случайно, а систематически являться орудием разрушения, дезорганизации; разве не такова, напр.,

роль слова, применяемого в виде угрозы, или роль идеи, применяемой для полемики?

— Где имеется налицо борьба двух живых существ или двух групп, или классов и т. п., там, естественным образом, то, что служит организующим приспособлением для одной стороны, действует противоположно этому на другую. Так, угроза обыкновенно направлена к тому, чтобы предотвратить со стороны другого лица или коллектива действия, противоречащие интересам того, кто угрожает, т.-е. уменьшить практическое противоречие между борющимися в пользу одного из них. Но уменьшение противоречия—акт организационный. — Идеологическая борьба одного класса против другого всегда направлена к сплочению и укреплению сил, т.-е. повышению организованности первого из них, и, разумеется, к ослаблению, дезорганизации сил другого. Организовать нападение и дезорганизовать неприятеля—две стороны одной практической задачи.

— Но есть же идеологические формы, которые и приспособлением вообще считать нельзя, потому что в них воплощается не приспособленность,—напр., суеверия, ошибочные идеи, и т. под.?

— Когда возникает ошибочная идея, как нечто новое, то она есть не более, как неудачная организационная попытка, и тогда она не удерживается, устраняется жизнью, и не представляет существенного интереса для нашего исследования. Но встречаются, и весьма часто, случаи другого рода: то, что в данную эпоху является заблуждением, суеверием, неприспособленностью, есть пережиток прошлого, и в предыдущую эпоху было „истинным“, целесообразным, было организующим приспособлением. Напр., верования в стихийных духов, водяных, русалок и т. п. были на другой ступени культуры единственно-возможным для людей способом связно передать друг другу и объединить тот практический опыт, который они имели относительно разных стихийных сил.

Какой-нибудь миф о лешем, который водит путников кругами, был полезным и убедительным указанием на то, что в лесу следует определять направление не иначе, как по солнцу, звездам, коре и кронам деревьев, вообще по объективным признакам, отнюдь не полагаясь на свои субъективные ощущения и соображения.

Впрочем, как бы ни оказывались уже вредны при новых условиях такие пережитки старых времен, свой организующий характер они, большей частью, продолжают сохранять: ведь и самое грубое суеверие связывает и сближает всех, разделяющих его, некоторым единством настроения и опыта. Когда известный класс отжил и перестал быть необходимым органом общества, тогда, с точки зрения общества в целом, вся идеология этого класса становится простым пережитком; но самый-то отживший класс она сплачивает и объединяет попрежнему, хотя бы в его борьбе против всех остальных, развивающихся классов.

— Какие выводы относительно метода идеологической науки вытекают из организующей роли идеологий?

— В исследовании любой идеологической формы основным должен быть такой вопрос: кого, т.-е. какие элементы общества, и в каких отношениях она организует? Только выяснив этот вопрос, можно понять возникновение, развитие преобразования изучаемой идеологической формы и научно предвидеть ее судьбу.

Если возьмем идеологию общества во всем объеме, во всем разнообразии форм,—то что она организует? Очевидно, остальные области общественной жизни: технический и экономический процесс. Поэтому бесплодно было бы изучать идеологию, не изучая предварительно технического и экономического развития общества. К тому же выводу привел нас еще раньше принцип социальной причинности. Теперь мы можем сказать: идеология определяется техникой и экономикой, потому что служит для них организационным приспособлением.